

Феномен лексических средств выражения философских абстракций в творчестве В. К. Третьяковского

И. С. Коковин

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук,
Новосибирский государственный университет экономики и управления.
Россия, г. Новосибирск. E-mail: Ivan.kokov80@gmail.com

Аннотация. Целью исследования является реконструкция феномена взаимосвязи становления философии в России и формирования понятийного инструментария философской мысли. Речь идет не о механическом перенесении на российскую почву продуктов европейской мысли, а о проблеме трансформации культурного пространства, которые описываются средствами историографии и истории философии. Исследователь опирается в данном случае на знания, полученные в ходе изучения текстов, принадлежащих известному поэту и переводчику XVIII столетия – В. К. Третьяковскому.

Методологическая база исследования включает в себя элементы историко-генетического метода и сравнительного анализа. Автор ставит задачу охарактеризовать отношения между такими аналитическими трендами, как попытка реконструкции языка философии эпохи Елизаветы Петровны и перевод французской научной литературы, а также изменение смысловых контекстов бытования различных терминов. Результатом исследования является описание нескольких аспектов проблемы словоупотребления. Первым из них являлась недостаточность лексических средств русской литературной речи. Вторым является стремление культуртрегеров XVIII столетия к преобразованию средств выражения продуктов философской рефлексии. Третьим является наличие предпосылок для переосмысления процесса становления философской терминологии в России на протяжении всего века.

Ключевые слова: лексические средства, философский словарь, язык философии, концепты, жите, продукты европейской мысли.

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем российской истории философии является процесс возникновения русской философской мысли, при этом феномен статуса и специфики русской философии также был неоднократно проблематизирован [14, с. 123]. В настоящее время между исследователями отсутствует консенсус относительно явления истоков и хронологических рамок становления абстрактной рефлексии на русской почве. Условно исследовательское сообщество может быть разделено на три группы: ученые, считающие отправной точкой процесса становления отечественной философии момент христианизации Руси, когда, по их мнению, на отечественную культурную почву начинают попадать концепты провиденциализма, креационизма и так далее [11]; исследователи, полагающие, что начало русской философии положили петровские преобразования по секуляризации культуры, когда в Россию начинают проникать естественно правовые теории [1]; представители третьей группы считают, что полноценное философское творчество появляется на русской почве лишь в период первой четверти XIX столетия [9; 20]. Несомненно, проблема генезиса русской философии связана с феноменом рефлексии по поводу предмета и метода абстрактного мышления. Правомерно ли высказывание, что любой ли тип рассуждения о чем-либо можно считать философским, а также, существует ли у философии специфический предмет? По выражению С. А. Лишаева, необходимо постичь «тематическое «что» и методологическое «как» философского мышления» [12, с. 5].

Согласно представлениям некоторых современных авторов, в качестве предмета философии может выступать либо метафизическое начало в мире [10; 12], либо смысл и направление истории, либо познающее мышление. Однако познающее сознание долгое время не представляло собой самостоятельного предмета русской философии. Между тем именно мышление о мышлении, по мнению некоторых авторов [6; 17], и представляет собой основной объект полноценной философии, поскольку только постановка проблемы о природе мышления делает философскую рефлексию возможной. При этом, допустима и альтернативная позиция, согласно которой представление о предмете философии и структуре философского знания значительно отличалось от современного [1, с. 12].

Следует заметить, что хронологические рамки процесса становления отечественной философии сами по себе представляют собой значительную методологическую проблему. Как уже было отмечено, в историописании русской философии существуют три основные исследовательские позиции. Наиболее аргументированной в настоящее время представляется третья, согласно которой полноценная философская рефлексия появляется на русской почве лишь в период первой четверти XIX столетия, а первым философским текстом являются «Философические письма» П. Я. Чаадаева [21].

Есть основания полагать, что философское творчество требует наличия как социальной среды, представители которой заинтересованы в результатах рефлексии, так и специфического языка описания абстрактных объектов. По мнению ряда исследователей, ни период удельных княжеств, ни эпоха становления московского государства не породили социальный контекст русской философии [20, с. 50]. Ни разговорный, ни церковнославянский язык не могли стать инструментом трансляции смыслов. Петровская и постпетровская эпохи также не породили социокультурный контекст, способный произвести полноценную философскую рефлексия. Феномен выражения результатов абстрактного мышления был генетически связан с процессом развития понятийных средств экспликации. Отечественные культуртрегеры, стремящиеся транслировать смыслы западной философии, столкнулись с явлением неразвитости терминологических средств (по мнению К. Д. Бугрова, М. А. Киселева, заимствованные термины просто не имели эквивалентов в русском языке [3, с. 93]). Т. В. Артемьева полагает, что: «Переводчикам приходилось или скрупулезно описывать каждое понятие, что было, конечно, малоэффективно и неизбежно отвлекало от усвоения основного содержания, или использовать иностранные термины, которые, будучи терминами другого философского «мира», неизбежно воспринимались как метафоры» [1, с. 104]. По мнению исследователя: «А. Кантемир вынужден был объяснять такие понятия как: «философия», «логика», «этика», «физика», «метафизика», «система», «идея», «материя», «натура»» [1, с. 104]. Феномен недостаточности лексических средств трансляции смыслов, заимствованных А. Кантемиром из пространства западноевропейской философии, также являлся предметом исследования И. Е. Баренбаума [2, с. 65]. Факт неразвитости русского литературного языка констатируется многими современными специалистами в области истории, истории литературы, лингвистики и философии. При этом, отдельные аспекты и хронологические этапы процесса формирования языка выражения абстрактных смыслов попадали в сферу научного дискурса. Есть основания полагать, что в настоящее время в России не завершился процесс создания цельной реконструкции процесса становления понятийного и концептуального инструментария философской мысли.

Одной из актуальных проблем постижения процесса появления русской национальной философии является феномен генезиса понятийного инструментария рефлексии.

Целью данного исследования является выявление в тексте В. К. Тредиаковского абстрактных терминов и концептов, способных претендовать на обретение статуса средств выражения результатов абстрактной рефлексии. Анализ процесса эволюции лексических средств позволяет сформировать выводы относительно правомерности использования дефиниции «мыслитель» по отношению к одному из наиболее известных поэтов и переводчиков XVIII столетия. Кроме того, анализ развития понятийных средств выражения абстрактных смыслов открывает новые возможности перед исследователем, решающим проблему становления рефлексивного мышления на русской почве, в период второй половины XVIII в.

Проблема грамматической и семантической специфики языка произведений В. К. Тредиаковского находилась в сфере исследовательского дискурса литературоведов и лингвистов на протяжении нескольких десятилетий. Еще Григорий Гуковский анализировал феномен трансляции поэтом и переводчиком результатов европейского культурного процесса на русскую почву: «Тредиаковский печатно признавался, что русские народные песни повлияли на процесс создания им основ русского тонического стиха (образованного по немецкому примеру), хотя и считал нужным извиняться перед читателем, что он говорит о «мужицком» и «подлом» крестьянском искусстве» [7, с. 11]. Преобразователем культуры считал В. К. Тредиаковского Л. А. Дербов, по его мнению, поэт и переводчик «создавал основы» новой русской культуры. Очевидно, подобное преобразование могло быть осуществлено лишь благодаря преобразованию языка [8, с. 53]. Т. В. Артемьева констатирует факт перевода поэтом исторического сочинения Ш. Роллена (специалиста по античной истории), однако проблемы трансформаций лексики и грамматического строя не являются специальным предметом исследования отечественного специалиста. Большинство ученых постсоветского периода акценти-

руют внимание на явлении грамматических и семантических экспериментов, производимых переводчиком в процессе трансляции текстов западноевропейского происхождения. По мнению современных исследователей, значительный успех имел авторский перевод исторических сочинений Ш. Роллена. «Воздействию переведенных Тредиаковским «Историй» на читателя совершенно, по-видимому, не мешали языковые эксперименты переводчика, опыты, производимые им подчас над русской грамматикой» [1, с. 5]. Трансформации подверглись также и лексические средства выражения смысла, так как в процессе трансляции литератор вынужден был изобретать неологизмы, его книжный слог был основан на «церковнославянских элементах и искусственных неологизмах» [1, с. 126]. В процессе перевода франкоязычного жизнеописания Петра Великого В. К. Тредиаковский русифицировал лексику: «навигация» была переделана на «мореплавание», «акция» на «действие», «церемонии» – на «учтивые обряды» и тому подобное» [1, с. 126].

Проблема становления специфического языка сочинений и переводов В. К. Тредиаковского являлась предметом аналитического интереса Б. А. Успенского. В работе «Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры» известный российский филолог исследует процесс сознательного преобразования поэтом грамматического и стилистического пространства русского языка. В главе «Идеологический фон: Проблемы языка и литературы в полемических сочинениях Тредиаковского и Сумарокова» автор анализирует процесс конкуренции взглядов В. К. Тредиаковского и А. И. Сумарокова на языковую и культурную ситуацию в России XVIII столетия. Исследование проблемы оценки обоими поэтами специфики выразительных средств русской литературной речи значительно упрощает процесс постижения феномена рецепции западноевропейских понятий и концепций российским культурным пространством.

По мнению Б. А. Успенского: «Специфика усвоения западной словесной культуры в России обусловлена особой русской языковой ситуацией, которая принципиально отличается от языковых ситуаций в странах Западной Европы. Это определяет тот общий культурный фон, на котором могут выявляться конкретные разногласия между теми или иными авторами. И Тредиаковский, и Сумароков в принципе ориентируются на западноевропейские литературные образцы, но форма рецепции западных идей для каждого из писателей существенным образом связана с их представлениями о русской языковой ситуации. В этих условиях первостепенное значение имеет их оценка этой ситуации; она во многом сказывается на формировании как нового литературного языка, так и новой русской литературы» [19, с. 300]. По мнению Б. А. Успенского, явление рецепции элементов поэтической культуры барокко и классицизма было генетически связано с феноменом теории стилей (градации на высокий и низкий). Автор исследования не анализирует процесс заимствования конкретных понятий, в границах его исследовательского дискурса находятся проблемы заимствования целых жанров и стилистических направлений. Обозначенная тенденция в исследовании Б. А. Успенского нашла свое выражение в той части работы, где рассматривается явление соотношения рецепций элементов барокко и классицизма А. Сумароковым и В. Тредиаковским [19, с. 301]. Автор исследования также констатирует факт несовершенства переводов художественных текстов современниками поэтов. «Сумароков критикует современных переводчиков за буквализм и копирование синтаксиса оригинала» [19, с. 292].

Таким образом, несмотря на то, что проблема рецепции В. К. Тредиаковским художественных образов и элементов эстетических теорий европейского происхождения являлась предметом исследования представителей отечественной филологии на протяжении десятилетий, процесс трансляции абстрактных терминов, представляющий собой каркас научного и философского знания, становился объектом внимания ученых лишь в единичных случаях.

Ярким примером такого исследования является попытка анализа оригинального перевода русским поэтом франкоязычной биографии английского философа Ф. Бэкона, предпринятая С. В. Паниным («Житие канцлера Фрэнсиса Бэкона» Д. Моллета, в переводе В. К. Тредиаковского»). По мнению автора, В. К. Тредиаковский синтезирует европейский жанр биографии и русскую агиографическую традицию (русский средневековый стиль описания жизни святых): «Уже из заглавия можно сделать вывод о творческой переработке русским переводчиком французского перевода. Тредиаковский обратился к традиционному для русской литературы жанру жития, облекая содержание светской биографии Ф. Бэкона в каноническую форму произведения агиографии» [16, с. 181]. Автор исследования полагает, что В. К. Тредиаковский занимался пропагандой материализма. Откровенной проповедью материализма бы-

ли в переводе Тредиаковского те места, в которых говорилось о заслугах Бэкона-мыслителя: «Средство, употребленное им к произведению толь великих дельностей, состоит в том, чтоб пригвоздить к вещам самим и остановить на них наше внимание, упражнявшееся прежде его в понятиях и идеях; то есть, чтобы удалить от себя умозрительства тонкие и маловажные, ослепляющие разум, а не просвещающие, чтоб держаться просто за силы естества законов, учреждающих его деяния» [16, с. 182]. Вероятно, статья содержит в себе элементы модернизации, когда менталитет людей XVIII столетия наделяется чертами мировоззрения современного типа. Значительную ценность представляет собой анализ процесса адаптации В. К. Тредиаковским абстрактных терминов западноевропейского происхождения: «Большое число новых понятий из области философии и социологии вынуждает Тредиаковского делать порой обширные пояснения» [16, с. 182]. Очевидно, столкнувшись с проблемой отсутствия в русском литературном языке адекватных эквивалентов абстрактной терминологии франкоязычной природы, переводчик вынужден вдаваться в пояснения или использовать комментарии предшественников. Многочисленные термины, до тех пор малоупотребительные, а нередко и совсем новые, Тредиаковский постоянно объясняет в тексте: «теория (умозрение)», «система (состав)», «материя (вещество)», «симпатия (сострастие)», «антипатия (противострастие)» и так далее» [16, с. 185]. По мнению С. В. Панина: «Некоторые толкования терминов заимствованы им из комментариев А. Д. Кантемира к переводу книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1740 г.» [16, с. 185]. Очевидно, неразвитость абстрактного терминологического инструментария не позволяла поэту и переводчику не только построить философскую теорию, но и усвоить концепт или отвлеченную идею.

Феномен литературной деятельности В. К. Тредиаковского находится в сфере исследовательских интересов Ю. В. Сложеникиной. Согласно ее концепции, переводчик и поэт осознавал проблему скудости языковых средств выражения политических, правовых, научных теорий. Интеллигенция XVIII столетия была заинтересована в создании «метаязыка описания новой социальной парадигмы» [15, с. 215]. Ю. В. Сложеникина полагает, что именно Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов являются «основателями современной русской терминологии» [15, с. 215]. По ее мнению, «значение Тредиаковского в истории русского языка чрезвычайно важно. Именно он «запустил» современную машину русского словообразования, отобрав в предшествующих церковнославянской и древнерусской традициях именовании модели, актуальные до настоящего времени. Тредиаковский ориентировался главным образом на церковнославянский образец и калькирование. Основной вектор его словотворчества был направлен в сторону абстрактной лексики и переосмысления конкретной семантики» [15, с. 215]. В своем исследовании Ю. В. Сложеникина освещает проблемы генезиса абстрактной лексики. Однако процесс становления нового понятийного инструментария философии в целом находится вне сферы ее исследовательского дискурса. Автор полагает, что В. К. Тредиаковский являлся мыслителем, но не стремился к выстраиванию развернутой аргументации данного тезиса (суждение о философской природе дискурса поэта остается априорным).

Проблема генезиса абстрактной терминологии в русском культурном пространстве XVIII столетия нашла свое отражение в работе А. А. Шевцова [5]. Анализируя наследие А. Кантемира, Г. Теплова, В. Тредиаковского, он приходит к выводу о том, что объем философских понятий увеличивался в течение последних десятилетий XVIII в., усложнялась и семантическая структура терминологического инструментария абстрактной мысли. Если словарь А. Кантемира содержит 17 слов, Г. Теплова – 27, то В. К. Тредиаковский оперирует более чем 140 понятиями. Однако философскими, в современном значении этого термина, являются лишь 77. Вводная статья составителя словаря А. Шевцова представляет собой значительную ценность, так как позволяет сформировать представление о специфике этапов процесса становления абстрактного мышления в России эпохи раннего Нового времени.

Вне сферы исследовательского дискурса в настоящее время находится проблема функционирования абстрактной терминологии в текстах В. К. Тредиаковского. Наиболее известным текстом автора, содержащим философскую терминологию, является авторский перевод с французского – «Житие канцлера Франциска Бэкона». Биография Ф. Бэкона в уникальном переводе Василия Тредиаковского (1760) [13]. В тексте содержатся как факты биографического характера, так и размышления по поводу роли и значения философского наследия Ф. Бэкона, его целей и методов.

В настоящей статье будут проанализированы фрагменты текста перевода, содержащие философскую терминологию. Описывая ситуацию вызова, брошенного Ф. Бэконом сторонни-

кам схоластического метода, автор перевода называет английского мыслителя «великим возобновителем философии»: «Аристотель имел владычественную державу в училищах, где решения его признаны неложными во всем, что до умствования принадлежало. Наш автор был первым и великим возобновителем Философии» [18, с. 10]. Вероятно, Д. Мольтт считает Бэкона теоретиком, возродившим античные тенденции в естествознании. Автор текста, переведенного В. Третьяковым, высоко оценивает роль философа в процессе становления новой методологии науки: «История разума человеческого, и поступка его, ежели позволено так сказать, в изыскании истин, есть в нем самое забавное зрелище, какому можно быть представлено быть очам философским: да и может быть ктоуж, что оно и самое полезное для всех человеков» [18, с. 12]. Далее, в тексте жизнеописания, биограф приводит характеристику теории английского мыслителя. «Бакон был толь доволен и толь обрадован величием и красотою своея Системы [состава], что не усумнился почитать себя за человека, рожденного естеством для пользы и преимущества человеческому роду: в некотором своем письме говорит он не обинуясь, что показал великую услугу Обществу, и что Потомство благодарить ему будет вечно» [18, с. 12]. В. К. Третьяковский использует термин «система», так как понятия «теория» или «концепция» еще не были укоренены в русском литературном языке. Значительную роль в биографическом повествовании играет критика схоластического метода, используемого предшественниками Ф. Бэкона. В. К. Третьяковский характеризует ее как «мечтательную Философию», которая: «истончена бывши еще жарким образованием упражнявшихся в оной, забавляла людей понятиями скитающимися неопределенно, и чтоб так сказать, криластыми словами, и повсему воздушными Идеями, безтелесными и несущественными» [18, с. 62]. Автор акцентирует внимание на проблеме беспредметности схоластических понятий. В. Третьяковский называет их «неопределенными и валовыми» («вся Философия состояла токмо в понятиях неопределенных и валовых, да не во вразумительных словах») [18, с. 65]. Автор перевода полагал, что: «Вместо чтоб наблюдать естество, изыскивать свойство тел и уставы движения, как истинную причину всех производств, они упражнялись токмо в определениях, в различениях, в отвлечениях от вещества и в других отроческих игрушках, кои не могли принести никакия пользы как знанию, так и обществу» [18, с. 65]. Кризис схоластики был обусловлен процессом смещения акцентов: «Ежели покров святых мрачности, покрывающая все естество, вскроется или раздерется когда; то не было сомнения, чтоб человеческое любопытство, не останавливающееся никогда, не ухватилось за вторые причины, за силу вещества, и за уставы движения и механичества, на истолкование новых изобретений, и чтоб наконец не пропала с глаз нечувствительно, и не была б пренебрежена первая причина всех вещей» [18, с. 66]. Очевидно, автор описывает материальную и производящую причины, открытые Аристотелем. Далее В. К. Третьяковский переводит фрагмент франкоязычного текста, содержащий понятие «предположение», вероятно, соответствующее греческому термину «гипотеза». «В Философии разумное предположение и блистающая теория больше бывають угодны образованию читателей, и более способны к приведению в великую славу изобретение: но испытание не толь пышное, а мудрейшее, следует за естеством во всех его действиях, наблюдает рачительно явления его, и ищет только познать истину, коей охотно приносит в жертву все небольшие пользы ложной славы, и бессмысленного честолюбия» [18, с. 67]. Также переводчик приводит характеристику экспериментального метода: «А что впрочем, по многом числе веков, употребленных бесполезно в учениях, не могших привести ни к чему, принялись все за средство полезное единственно, чтоб наблюдать естество испытанием и примечанием дел; то сим одолжены особливо нашему презнаменитому Канцлеру» [18, с. 67].

Основной задачей английского мыслителя было создание новой структуры знания, которую современники обозначали с помощью обобщающего термина «философия» («естественная философия»): «Сия есть первая ступень, кою возомнил быть должною, в намерении создать новую Философию, и положить ей основания не на произвольных мнениях или на благовидных догадках» [18, с. 68]. Разделы философии или классификационные единицы знания были названы «науками». Известно, что в работе «Новый органон» Ф. Бэкона классифицирует науки по принципу их происхождения. Память порождает историю, воображение поэзию и разум физику. «Три главные силы нашея души, именном память, образование, и разум, подают ему природное разделение учений на Историю, Пиитику, и Философию: вещи предверженные тем трем силам» [18, с. 69]. Характеризуя роль английского мыслителя в процессе создания новой методологии науки, автор жизнеописания говорит об изобличении Ф. Бэконом заблуждений и пороков человеческого мышления (очевидно, речь идет о четырех

«Идолах»). «Приводит он к прилежному наблюдению всех заблуждений, которые в его время были почитаемы истинами; показывает, чего еще не доставало каждому знанию, и предлагает средства самые способные к исправлению пороков, к отлучению заблуждений, и к дополнению недостаточного» [18, с. 69]. По мнению исследователя биографии, основная заслуга Бэкона заключается в создании новой Логике. «Автор предпринимает распространить и умножить силы человеческого разума, полезным приложениям оных его силе к разным вещам, подсудным Философии. Для сего вымышляет он новую Логику, весьма вышшую способов умствования, бывших в употреблении в его время» [18, с. 69]. Описывая эмпирический метод мыслителя, В. К. Тредиаковский использует термин «испытание» (оно служит средством познания «естества», то есть Природы). Этот способ «не подкрепляет своих утверждений некоторыми особенными понятиями», что и отличает его от схоластического метода предшествовавшей эпохи.

Автор жизнеописания называет изобретенный Бэконом метод «наведением» (индукцией): «Сей метод есть НАВЕДЕНИЕ, изследывающее опасно и смотреливо опыт бывший, рассматривающее сей со всех возможных боков, обращающее тот же всем способами, кои могут различить его, приводящее к новым воследованиям, исключаящее все, что не принадлежит к делу, и производящее заключения из оставшегося после всего отлучения» [18, с. 69]. Очевидно, В. Тредиаковский пытался перевести на язык русской культуры такие понятия европейской философии как: «индукция», «разграничения» и «исключения».

Проводя параллели между методом Ф. Бэкона и И. Ньютона, Д. Молетт писал о необходимости проведения эксперимента в процессе исследования. «Кое иное самое их твердое основание, как токмо не множество опытов, различенных крайним старанием, и как не оное раздробление тончайшаго из всех тел, и сие с такою точностию, которая не казалась могущею приложиться к грудям самым чувствительным и самым грубым?» [18, с. 70]. Вероятно, переводчик мог использовать термин «редукционизм». Однако русская научная речь (в эпоху Елизаветы Петровны) не содержала обозначенного понятия. Далее автор текста описывает создание Бэконом текстов естественнонаучного цикла. В. Тредиаковский использует словосочетание «История естества испытательная». Общеизвестно, что целью создания Бэконом текстов методологического содержания было извлечение максимальной полезности для человечества из природных процессов и явлений: «Участь, казавшееся быть привязанною чрез долгое время к человеческим знаниям, поспешествующим наиболее благополучию человек, способом, сииж под предлогом, дабы дать им предлог новости и тонкости» [18, с. 70]. Автор жизнеописания Бэкона акцентировал внимание читателя на явлении прогресса естественных наук, которые в эпоху английского мыслителя только начинали развиваться. В. К. Тредиаковский называет их «испытательная наша философия». «Не надобно сравнивать ее (книгу Бэкона), ни с премножеством наших знаний и опытов, ниже с успехами испытательные нашей философии, но со временем, в которое он писал, и с малостью просвещения бывшего тогда» [18, с. 70]. Следует полагать, что словосочетание «испытательная философия» соответствует современному термину «физика». В. К. Тредиаковский описывает скорее сферу науки (естествознания), нежели философии (в современном значении этого слова).

Далее в тексте перевода содержится характеристика индуктивного метода, описанного Бэконом в тексте «Нового Органона». «НОВОЕ ОРУДИЕ» показало ему наперед средство, те вещи совокуплять, сравнивать, сочетавать, и составлять некоторое ЦЕЛОЕ, коемуб иметь в основании некую Аксиому [правило неоспоримое] важную, дабы ее не невозможно было опровергнуть» [18, с. 71]. Описывая структуру текста «Нового органона», биограф постулирует принцип, сформулированный самим Бэконом: «Присовокупил он два великих преимущества к сей Истории, а именно, познание свойств в вещах, и совокупление припасов, долженствующих быть основанием полезной Философии, почитаемой от него как за истинную» [18, с. 71]. Перевод В. Тредиаковского также содержит понятие, эквивалентное современному термину «объект» или «предмет». В сем точно намерении собрал он все бытия, наполняющия книгу, о которой мы предлагаем» [18, с. 71]. По мнению английского биографа, Ф. Бэкон предваряет раздел, содержащий основы «философии естественныя и испытательная», элементами гносеологического учения. Он содержит «ЛЕСНИЦУ УМА», или «порядок ступеней, по коим ум Философов долженствует восходить, чтоб дойти способом верным и правильным до снискания истин» [18, с. 72]. Очевидно, термин «гносеология» отсутствовал в русском философском лексиконе периода первой половины XVIII столетия. И переводчик вынужден был заменить его эквивалентными выражениями. Описывая естественнонаучный метод Бэкона, В. К. Тредиаковский использует термин «Материя» в значении «вещество». «Три первыя содержания,

в порядке предложенном нами, имеют довольно пространство: Автор следовал тут за Материей весьма далеко, так, что можно очень явственно видеть, коль с превеликим искусством умел он сам следовать наставлениям подаваемым от него другим в истолковании естества» [18, с. 72]. В обозначенном фрагменте семантика понятия остается неизменной, по отношению к первоначальному значению, зафиксированному в словаре 1751 г. Далее в тексте содержится пример доказательства от противного. Английский философ предпринимает попытку опровержения схоластического метода: «Было сие предначертанием Системы составленная цельно из некоторого числа Феноменов, или им испытанных, или снисканных или распространенных. В сем случае оставил бы он собственный свой способ наведения, и подвергся бы чину понятия, общему всем почитай разумам; однакож в намерении опровергнуть потом сие здание, чтоб его возсоздать паки из тех же припасов, по своему способу философствования. Сие могло бы подать достоверное средство к рассуждению о том и другом способе» [18, с. 73]. Целью аргументации было создание цепи аксиом, служащих основанием «первой философии». «Чтож должноствовало наконец увенчать его дело, что было определено быть верхом, и что зделало б часть самую высокую; то былоб некоторая философическая цепь Аксиом, которую он наименовал, ФИЛОСОФИЕЮ ПЕРВОЮ, ИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОЮ» [18, с. 73]. Словосочетание «философия первая» не имеет эквивалента в современном русском языке, очевидно, ему должно соответствовать понятие «методология науки». В заключительной части перевода В. К. Третьяковский приводит текст «Похвалы Канцлеру Франциску Бакону». По мнению автора жизнеописания, английский философ подорвал основы схоластического «способа» и возродил подлинную методологию в естествознании. «В таком разуме рассудил он за должное, употребить весь свой смысл, на старание о примирении человеческого разума с естеством, и о возобновлении взаимного их дружелюбия» [18, с. 83]. В заключительной части трактата Д. Моллет приводит отзыв Р. Декарта о деятельности Ф. Бэкона. По мнению французского мыслителя и математика, основная заслуга английского философа заключается в том, что он: «Научил устанавливать шествие науки по стопам естества, исправным рассмотрением пружин и движений во всех телах, растущих или неодушевленных. Понял он художественное преобразование вещества, силою онаго разрешения, безконечнаго в своих сочетаниях» [18, с. 84]. Можно предположить, что здесь В. Третьяковский пытался передать значение понятия «детерминизм», не имевшего эквивалентов в русском научном лексиконе. Также автор перевода стремился транслировать на российскую культурную почву и смысл термина «индукция»: «Логика его вся зделана для Физики, в сопротивность Физике Аристотелевой, рассуждающей об особенных бытиях по общим Аксиомам, а Бакон уставляет общие Аксиомы на подробности особенных дел, следующих друг по друге и без промежек» [18, с. 84]. Восхваляя заслуги Ф. Бэкона перед философией, переводчик использует понятие «бытия», в значении «феномены» или «явления». «Собирает он там бытия, сравнивает испытания, показывает их множество к произведению в действо, прекланяет ученых прилежать к наукам и художествам, да и приводит их в совершенство, почитаемые им за часть самую высокую и существеннейшую знания человеческого» [18, с. 88]. Характеризуя проблему отношения бэконовской философии к схоластическому дискурсу, Третьяковский использует понятия «разум» и «учения повсеместных существ», пытаясь выразить смысловое содержание латинского термина «универсалии» [18, с. 88].

В процессе перевода Третьяковский использовал приблизительно 18 оригинальных терминов. Их значительная часть устарела и вышла из научного оборота. Сохранили свою актуальность и используются такие понятия как: «система», «аксиома», «теория», «феномены», «схоластика», «первая философия», «причина». Остальные 11 терминов являются русскоязычным эквивалентом таких терминов как: «гипотеза», «экспериментальный метод», «методология естествознания», «индукция», «разграничения и исключения», «редукционизм», «физика», «гносеология», «детерминизм», «явления», «универсалии». В процессе сравнительного анализа лексических средств, используемых В. К. Третьяковским в тексте «Жития», выявляются незначительные семантические и этимологические изменения понятий по отношению к лексике, содержащейся в словаре 1751 г. Термин «бытие» используется во множественном числе, а не в единственном, «философия естественная» является наиболее часто используемым словосочетанием, понятие «явление», используемое переводчиком в словаре, в тексте жизнеописания было заменено на «феномены» (греческий эквивалент), («опыт» используется и в словаре, и в тексте жизнеописания), «вещество» в значении «материя» используется в обоих текстах, но в биографии чаще встречается первый вариант («вещество»); если

в словаре содержится словосочетание «опытная» (физика), то в биографии используется термин «испытательная философия». При этом, в обоих текстах содержатся термины «философия естественная» (в значении – философия естествознания) и «опыт» (в значении «эксперимент»).

Проведенный анализ позволяет констатировать факт трансформации средств выражения абстрактных смыслов в поздних текстах В. К. Третьяковского. Резюмируя все вышеизложенное, можно сформулировать выводы относительно допустимости использования термина «философ» по отношению к переводчику. В настоящее время проблема идентификации и самоидентификации поэта не может быть решена однозначно. С одной стороны, он выступает как создатель оригинальной стратегии жизнотворчества, с другой, как культуртрегер, внедрявший на русскую почву понятийные средства европейской философии. Однако объем и специфика используемых переводчиком понятий не позволяли ему ни создать оригинальную теоретическую (концептуальную) систему, ни транслировать европейскую гносеологию в значительном объеме.

Список литературы

1. *Артемяева Т. В.* От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб. : Алетейя, 2005. 496 с.
2. *Баренбаум И. Е.* Французская переводная книга в России в XVIII в. М. : Наука, 2006. 448 с.
3. *Бугров К. Д., Киселев М. А.* Естественное право и добродетель. Интеграция Европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 480 с.
4. *Ванчугов В. В.* Очерк истории философии самобытно-русской. М. : Пилигрим, 1994. 408 с.
5. *Галич А. И.* Опыт философского словаря / сост. и статьи А. А. Шевцова. СПб. : Тропа Троянова ; Иваново : Роща Академии, 2008. 389 с.
6. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук : в 3-х т. Т. 1 // Наука логики / под ред. Е. П. Ситковского [и др.]. М. : Мысль, 1975. 452 с.
7. *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л. : Художественная Литература, 1938. 316 с.
8. *Дербов Л. А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 363 с.
9. *Донских О. А.* Воля к достоинству. Новосибирск : Сова, 2007. 213 с.
10. *Евлямпиев И. И.* История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта : в 2-х ч. Ч. I. СПб. : Алетейя, 2000. 416 с.
11. История философии в СССР : в 4-х т. Т. 2. М. : Наука, 1968. 591 с.
12. *Лишаев С. А.* История Русской Философии : в 2-х ч. Ч. I. С древнейших времен до середины XIX века : курс лекций, учебное пособие. Изд. 2-е, испр. Самара : Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2004. 268 с.
13. *Маллет Д.* Житие канцлера Фрэнсиса Бакона / перевел с французского на русский Василий Третьяковский профессор и член Санктпетербургския императорския академии наук. [Москва] : Печатано при Императорском Московском университете, 1760. 500 с.
14. *Савчук В. В.* О ресурсе русской философии // Казус философии. СПб. : РХГА, 2012. 276 с.
15. *Сложеникина Ю. В.* В. К. Третьяковский как мыслитель и переводчик / В. К. Третьяковский // Житие канцлера Франциска Бакона. М. : Либроком, 2012. 232 с.
16. *Панин С. В.* «Житие канцлера Ф. Бакона» Д. Моллета в переводе В. К. Третьяковского // Третьяковский и русская литература. М. : ИМЛИ РАН. С. 178–185.
17. *Пятигорский А. М.* Избранные труды. М. : Языки русской культуры. 594 с.
18. *Третьяковский В. К.* Житие канцлера Франциска Бакона. М. : Либроком, 2012. 232 с.
19. *Успенский Б. А.* Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М. : Индрик, 2008. 608 с.
20. *Шпет Г. Г.* Сочинения. М. : Правда, 1989. 603 с.
21. *Чаадаев П. Я.* Философические письма. Статьи и письма. М. : Современник, 1987. 367 с.

The phenomenon of lexical means of expressing philosophical abstractions in the works of V. K. Trediakovsky

I. S. Kokovin

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and Humanities,
Novosibirsk State University of Economics and Management.
Russia, Novosibirsk. E-mail: Ivan.kokov80@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to reconstruct the phenomenon of the relationship between the formation of philosophy in Russia and the formation of conceptual tools of philosophical thought. We are not talking about the mechanical transfer of the products of European thought to the Russian soil, but about the problem of the transformation of cultural space, which are described by means of historiography and the history of philosophy. The researcher relies in this case on the knowledge gained during the study of texts belonging to the famous poet and translator of the XVIII century – V. K. Trediakovsky.

The methodological basis of the study includes elements of the historical-genetic method and comparative analysis. The author sets the task to characterize the relationship between such analytical trends as an attempt to reconstruct the language of philosophy of the era of Elizabeth Petrovna and the translation of French scientific literature, as well as changing the semantic contexts of the existence of various terms. The result of the study is a description of several aspects of the problem of word usage. The first of them was the insufficiency of lexical means of Russian literary speech. The second is the desire of the eighteenth-century cultural traitors to transform the means of expression of the products of philosophical reflection. The third is the presence of prerequisites for rethinking the process of formation of philosophical terminology in Russia throughout the century.

Keywords: lexical means, philosophical dictionary, language of philosophy, concepts, life, products of European thought.

References

1. Artem'eva T. V. *Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu. Filosofiya istorii i utopiya v Rossii epohi Prosveshcheniya* [From the glorious past to the bright future. Philosophy of history and Utopia in Russia of the Enlightenment]. SPb. Aleteya. 2005. 496 p.
2. Barenbaum I. E. *Francuzskaya perevodnaya kniga v Rossii v XVIII v.* [The French translated book in Russia in the XVIII century]. M. Nauka (Science). 2006. 448 p.
3. Bugrov K. D., Kiselev M. A. *Estestvennoe pravo i dobrodetel'. Integraciya Evropejskogo vliyaniya v rossijskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural law and virtue. Integration of European influence into the Russian political culture of the XVIII century]. Yekaterinburg. Ural University Publishing house. 2016. 480 p.
4. Vanchugov V. V. *Ocherk istorii filosofii samobytno-russkoj* [An essay on the history of the philosophy of the original Russian]. M. Pilgrim. 1994. 408 p.
5. Galich A. I. *Opyt filosofskogo slovary* [The experience of the philosophical dictionary] / comp. and articles by A. A. Shevtsov. SPb. Troyanova Trail ; Ivanovo. Roshcha Akademii. 2008. 389 p.
6. Hegel G. V. F. *Enciklopediya filosofskih nauk : v 3-h t. T. 1* [Encyclopedia of Philosophical Sciences : in 3 vols. Vol. 1] // *Nauka logiki – Science of Logic* / ed. by E. P. Sitkovsky [et al.]. M. Mysl (Thought). 1975. 452 p.
7. Gukovskij G. A. *Ocherki po istorii russkoj literatury i obshchestvennoj mysli XVIII veka* [Essays on the history of Russian literature and social thought of the XVIII century]. L. State. Hudozhestvennaya literatura. 1938. 316 p.
8. Derbov L. A. *Obshchestvenno-politicheskie i istoricheskie vzglyady N. I. Novikova* [Socio-political and historical views of N. I. Novikov]. Saratov. Publishing House of Saratov University. 1974. 363 p.
9. Donskih O. A. *Volya k dostoinstvu* [The will to dignity]. Novosibirsk. Sova. 2007. 213 p.
10. Evlampiev I. I. *Istoriya russkoj metafiziki v XIX–XX vekah. Russkaya filosofiya v poiskah Absolyuta : v 2-h ch. Ch. I* [The history of Russian metaphysics in the XIX–XX centuries. Russian Philosophy in search of the Absolute : in 2 parts. Part I]. SPb. Aleteya. 2000. 416 p.
11. *Istoriya filosofii v SSSR : v 4-h t. T. 2 – The History of philosophy in the USSR : in 4 vols. Vol. 2.* M. Nauka (Science). 1968. 591 p.
12. Lishaev S. A. *Istoriya Russkoj Filosofii : v 2-h ch. Ch. I. S drevnejshih vremen do serediny XIX veka : kurs lekcij, uchebnoe posobie. Izd. 2-e, ispr.* [History of Russian Philosophy : in 2 parts. Part I. From ancient times to the middle of the XIX century : a course of lectures, a textbook. Publ. 2nd, corr.] Samara. Publishing House of the Samara Humanitarian Academy. 2004. 268 p.
13. Mallet D. *Zhitie kanclera Frensisa Bakona* [The Life of Chancellor Francis Bacon] / transl. from French into Russian by Vasily Trediakovsky, professor and member of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. [Moscow] : Printed at the Imperial Moscow University. 1760. 500 p.
14. Savchuk V. V. *O resurse russkoj filosofii* [About the resource of Russian philosophy] // *Kazus filosofii – The case of philosophy.* SPb. RHSA. 2012. 276 p.

15. Slozhenikina Yu. V. V. K. *Trediakovskij kak myslitel' i perevodchik* [V. K. Trediakovsky as a thinker and translator] // *Zhitie kanclera Franciska Bakona – The Life of Chancellor Francis Bacon*. M. Librocom. 2012. 232 p.
16. Panin S. V. "Zhitie kanclera F. Bakona" D. Molleta v perevode V. K. Trediakovskogo ["The Life of Chancellor F. Bacon"] // *Trediakovsky and Russian Literature*. M. IMLI RAS. Pp. 178–185.
17. Pyatigorskij A. M. *Izbrannye trudy* [Selected works]. M. Languages of Russian culture. 594 p.
18. *Trediakovskij V. K. Zhitie kanclera Franciska Bakona* [The Life of Chancellor Francis Bacon]. M. Librocom. 2012. 232 p.
19. Uspenskij B. A. *Vokrug Trediakovskogo. Trudy po istorii russkogo yazyka i russkoj kul'tury* [Around Trediakovsky. Russian language and Russian culture history works]. M. Indrik. 2008. 608 p.
20. Shpet G. G. *Sochineniya* [Essays]. M. Pravda (Truth). 1989. 603 p.
21. Chaadaev P. Ya. *Filosoficheskie pis'ma. Stat'i i pis'ma* [Philosophical letters. Articles and letters]. M. Sovremennik (Contemporary). 1987. 367 p.